

РЕЦЕНЗИИ

Аманаты и дипломаты в российско-кавказских отношениях*А. Х. Даудов, А. Ю. Дворниченко*

Для цитирования: Даудов А. Х., Дворниченко А. Ю. Аманаты и дипломаты в российско-кавказских отношениях // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. Вып. 2. С. 637–647. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2022.219>

Изучение истории Северного Кавказа, отношений России с народами, населяющими этот чрезвычайно важный для нашей страны регион — одна из насущных задач российской исторической науки. К сожалению, работ, посвященных данной тематике, выходит не так много. Вот почему не может не привлечь внимание книга Ф. А. Озовой, недавно увидевшая свет, рассказывающая об институте аманатства в контексте российско-кавказских отношений XVI — начала XIX в. В данном случае мы имеем дело с добротным исследованием, основанным на анализе широкого круга разнообразных исторических источников, в том числе впервые вводимых в научный оборот. Исследовательнице удалось создать яркий и многогранный портрет института аманатства, по крупицам собрав сведения обо всех аманатах, которые сохранились в источниках. Перед читателем проходит яркая и пестрая вереница этих акторов истории: от родовитых князей до тех неухоженных мальчишек, о которых писал А. С. Пушкин. Трудно, однако, согласиться с некоторыми представлениями об историческом развитии России и Черкесии и местом аманатства в их взаимных отношениях. В книге институт аманатства трактуется в рамках дипломатических и «внутридипломатических» отношений,

Абдулла Хамидович Даудов — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; a.daudov@spbu.ru

Abdulla Kh. Daudov — Dr. Sci. (History), Professor, St Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation; a.daudov@spbu.ru

Андрей Юрьевич Дворниченко — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; a.dvornichenko@spbu.ru

Andrey Yu. Dvornichenko — Dr. Sci. (History), Professor, St Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation; a.dvornichenko@spbu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

которые приходят на смену первым. Историк, похоже, в значительной степени модернизирует историю Черкессии, которая представлена как палладиум феодализма и при этом сословно-представительное государство с монархической традицией. Современный научный подход не позволяет увидеть в горской истории развитый феодализм, что же касается государственности, то нельзя игнорировать в ней глубокую архаику, а также сильные общинные традиции. За «дипломатическим» характером аманатства нельзя не видеть в нем и орудия для присоединения земель, причем далеко не только Северного Кавказа к России. Соответственно, и отмена аманатства — не такой уж знаковый момент в истории российско-кавказских отношений.

Ключевые слова: институт аманатства, кавказско-российские отношения, сословное государство, феодализм.

Amanats and Diplomats in Russian-Caucasian Relations

A. Kh. Daudov, A. Yu. Dvornichenko

For citation: Daudov A. Kh., Dvornichenko A. Yu. Amanats and Diplomats in Russian-Caucasian Relations. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2022, vol. 67, issue 2, pp. 637–647. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2022.219> (In Russian)

Studying the history of the North Caucasus and the relations between Russia and the peoples of North Caucasus is one of the main tasks of national scholars. Unfortunately, the number of researches into this theme is not large. That is why an interesting book written by F. A. Ozova, a well-known Caucasian historian, is worthy of attention. Her book is devoted to the institute of amanatism in the context of the Russian-Caucasian relations during 16th–19th centuries. This is a high-quality research based on a wide range of historical sources of different origins. Some of these sources are introduced into the scholarships for the first time. The historian created a very bright and detailed portrait of the institute of amanatism, which enables readers to see a colourful multitude of such amanats: from noble dukes to ragged boys seen by A. Pushkin during his journey to Arzrum. However, it is difficult to agree with some ideas concerning the historical development of Russia and Cherkessia and also with the role of the institute of amanatism in their relations. The author tends to modernize the history of Cherkessia / Kabarda to a large extent, perceiving it as some feudal and some estate-representative state. Nevertheless, according to the modern approach and level of the knowledge, the character of many institutes both in the mountains and on the plains was archaic. The institute of amanatism served first of all as some tool of annexing new lands to Russia.

Keywords: institute of amanatism, Russian-Caucasian relations, estate-representative state, feudalism.

Хорошо ли мы знаем историю Северного Кавказа? Правильно ли представляем себе сложные и многозначные процессы взаимоотношений России и народов этого огромного и чрезвычайно важного во всех отношениях региона? Желательный и ожидаемый положительный ответ, к сожалению, вряд ли возможен. Виной тому — особенности развития нашей исторической науки в контексте нашей же истории. В дореволюционные времена проблематика эта была слишком «горячей», слишком свежа была память о тяжелой войне. Советское время, наведя порядок и заложив свои «мины» на Кавказе, обладало, как известно, слишком заидеологизированной наукой (касательно «национальных окраин» — уж точно). Постсоветская историческая наука развивается отнюдь не так интенсивно и плодотворно, как

об этом мечталось в эпоху всеобщей разрухи и всеобщих надежд (1990-е гг.). Вот почему, держа в руках новую увесистую книгу о России и Кавказе¹, мы испытали очень теплое чувство. И оно не улетучилось после прочтения книги. Но обо всем по порядку...

Фатима Анатольевна Озова — выпускница Ленинградского университета, — как это и принято уже с XIX столетия в петербургской исторической школе, очень хорошо видит историографическую картину. Она, эта картина, представляется ей в форме антиномии: от добровольного вхождения кавказских земель в Московское царство в середине XVI в. до перманентной 400-летней войны. Автор прокламирует третий путь, выискивая его в рамках концепции военного и военно-политического союзов. Это, в свою очередь, позволило автору обнаружить в двусторонних отношениях несколько аспектов, важнейшим среди которых является дипломатический. При этом под «дипломатическими» понимаются посольские (1552–1721) и некие «внутридипломатические» (1722–1829) контакты². В контексте такого рода отношений особое место автор отводит институту аманатства³. К характеристике этой концепции нам еще придется вернуться, пока же отметим, что территориальные рамки исследования определены четко: земли Центрального и Северо-Западного Кавказа, в разное время вошедшие в состав Российской империи.

Также ясны читателю и хронологические рамки: с момента возникновения черкесско-российских посольских отношений в 1552 г., в связи с которыми при московском дворе появились первые черкесские аманаты, и до 1829 г., когда Кабарда окончательно юридически вошла в состав Российской империи (1822 г.), а последние кабардинские аманаты были возвращены домой. Ценно и то, что автор заглядывает еще глубже: понимает значение древнего пересечения русской и кавказской цивилизаций. В изучении этой проблематики огромную роль сыграла археолого-этнографическая экспедиция ЛГУ, которая на протяжении 1960–1970-х гг. под руководством выдающегося кавказоведа А. В. Гадло исследовала этот регион⁴. Гораздо менее охотно исследовательница заглядывает в последующий более поздний период, а зря. Многие наблюдения приобрели бы более ясные очертания...

Сложнее обстоит дело с объектом изучения. Читателю довольно скоро становится понятно, что объект исследования шире, чем это представлено в названии: автор работы, по сути дела, изучает российско-черкесские (предпочитает говорить о «черкесско-российских») отношения за весь длительный период времени, а ведь институт аманатства — главный инструмент познания сути и характера этих непростых отношений. Автор это и сама понимает, довольно широко определяя объект своих исследований: тут и международная конъюнктура в Восточной Ев-

¹ Озова Ф. А. Институт аманатства в черкесско-российских отношениях: 1552–1829 гг. СПб., 2020.

² Такое понятие находим в солидной книге О. Г. Агеевой. Внутридипломатическими ею названы контакты между империями и попавшими в орбиту их влияния политическими образованиями (Агеева О. Г. Дипломатический церемониал императорской России. XVIII век. М., 2012. С. 438–439). Можно поспорить с самим определением «внутридипломатические контакты», но смысл понятен.

³ Слово «аманат», которое в восточных языках означает «заложник», было заимствовано в русский язык и обиход. В древнерусском применялось слово «*таль*».

⁴ Дворниченко А. Ю. Александр Вильямович Гадло (1937–2002) — исследователь древностей Крыма и Кавказа // Гадло А. В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004. С. 3–20.

ропе, и кавказская политика Российского государства, и многое другое. Да так оно и должно было получиться, ведь аманатство — это только орудие политики, которую вело Российское государство.

Задачи, которые автор ставит перед собой, связаны, в основном, с изучением института аманатства. И надо сказать, что трудолюбие и целеустремленность, которые явно свойственны нашему автору, сделали свое дело. Ф. А. Озова изучила огромный комплекс источников, как опубликованных, так и архивных (использованы материалы восьми центральных и местных архивохранилищ). Источниковедческая фундированность монографии очевидна — источники многочисленны и разнообразны — это нарративы, актовый материал, переписка, мемуары, материалы периодической печати, обычного права, генеалогии, исторические песни и предания. Итак, введен в научный оборот огромный и систематизированный комплекс исторических источников; показано, что институт аманатства был главным инструментом взаимодействия российской и черкесской элит; выявлено большое количество имен аманатов; уточнены генеалогии и годы правления *тцышхуэ* (князей-правителей) Кабарды и многое другое. Можно смело сказать, что удалось создать яркий и многогранный портрет института аманатства, по крупицам собрав сведения обо всех аманатах, сохранившиеся в источниках. Перед нами проходит яркая и пестрая вереница этих акторов истории: от родовитых князей до тех неухоженных мальчишек, о которых упоминал А. С. Пушкин в его «Путешествии в Арзрум».

Монография содержит емкий очерк, в котором даются подробные характеристики источников⁵. Они разнообразны и относятся к разным эпохам, что потребовало от автора навыков и умения работы с их разными типами. Еще одна трудность заключалась в том, что комплекс источников по истории института аманатства весьма обширен. Обращает на себя внимание малое число документов черкесского происхождения и явное доминирование источников, «представляющих одну лишь российскую сторону»⁶.

Непосредственно историографический очерк (в книге вообще очень много историографии) достаточно информативен, хотя стоило бы, на наш взгляд, подробнее сказать о западной историографии и выразить свое отношение к популярной ныне теории фронта, ведь регион, которым занимается историк, в значительной степени вписывается в рамки этой ситуации. В работе дается широкий и разносторонний анализ этимологии и семантики самого слова «аманат». Это и арабский этимон, и историзм «аманат» в русском языке, и ориентализмы «анемат/анэмэт/Энэмэт (аманһм)». Уже семантический анализ показывает, что существовавший в российско-черкесских отношениях институт «всегда носил односторонний характер, т. е. аманатами становились только представители черкесской аристократии»⁷. Тут автор утверждает (с лингвистической точки зрения), что на

⁵ Классификация источников дается по Л. Н. Пушкареву (см.: *Пушкарев Л. Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975). При всем уважении к этой классификации стоило ее попытаться дополнить, так же как в ряде случаев использовать более свежие издания источников.

⁶ *Озова Ф. А.* Институт аманатства... С. 92.

⁷ *Бгажноков Б. Х.* О специфике и динамике военно-политического союза России и Кабарды (симмахия и ее асимметризм) // Исторический вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Вып. II. Нальчик, 2005. С. 39–86.

первых порах этот акт носил добровольный характер. Но, похоже, противоречит себе: как тогда объяснить, что в русском языке слово с самого начала несло на себе «элементы принуждения»⁸?

Не вполне убедил нас и типологический анализ института аманатства. Представляется, что мобилизованный автором материал по истории социальных организмов разных стадияльных уровней и географических зон вряд ли позволяет построить такую типологию: заложничество дипломатическое и аманатство. По мысли автора, первый тип характерен для Древней Руси, Европы, Кавказа и, вероятно, для многих других этнических и региональных традиций. В Новое время на смену заложникам пришли земли, города, провинции и т. п. А вот для таких империй, как Османская, Сефевидская и Российская, характерно именно аманатство. Эта концепция выглядит несколько надуманной, для того чтобы сыграть свою роль в дальнейших рассуждениях. Когда восточные славяне (Киевская Русь) брали талей у половцев, то это вовсе не являлось дипломатическим заложничеством. Или когда исследовательница сравнивает, например, положение крымских Гиреев и черкесских Иналидов, соответственно, при султанском и царском дворах, то в первом случае она определяет их как «сюзеренно-вассальные» отношения, а во втором — как «посольские» и «внутридипломатические»⁹. А почему? Все это требует более подробного объяснения.

Деление на эквивалентное (взаимное) и неэквивалентное (одностороннее) заложничество также выглядит несколько надуманным. Дани, аманаты, шерти и ряд подобных «институтов» — все это орудия создания того государства, которое мы традиционно называем Российской империей. И не случайно все это началось с Ивана Грозного, когда завершение формирования собственно Государства Российского обусловило появление имперской традиции, приобретающей на нашей почве достаточно своеобразную форму. Заложник он и есть заложник! И не случайно в продолжение истории эквивалентом, зеркальным отражением аманатов становятся «кавказские пленники», возродившиеся в XX в. Это не значит, что в данном «институте» не происходит изменений, прежде всего, в связи с изменением всей исторической ситуации. Но стоит ли их преувеличивать?

К тому же в теоретическом плане автор опирается здесь на работу Э. де Ваттеля «Право народов, или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов» и «Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский» В. Н. Татищева, а они несут на себе печать своего времени, отражая взгляды и знания людей, недалеко еще ушедших от Средневековья. Не будем же мы сейчас (при всем уважении) изучать древнерусскую историю по В. Н. Татищеву!

Как бы там ни было, в качестве бесспорных заслуг автора монографии отметим, что в книге нарисована яркая и подробная картина аманатства именно в контексте отношений России и Черкесии. При этом автор старается понять и показать читателю эволюцию и в этих отношениях, и в самом аманатстве. Ключ к пониманию историком характера этих изменений находим в пятом параграфе второй главы: «Российская и черкесская политические модели: параллели и пересечения». Здесь нарисована, с нашей точки зрения, противоречивая картина политической (и этни-

⁸ Озова Ф. А. Институт аманатства... С. 31–32.

⁹ Там же. С. 36.

ческой) структуры Черкесии. С одной стороны, автор отмечает, что все адыгские/черкесские политонимы имели древнее патронимическое происхождение (здесь не помешала бы характеристика этих родов, которые соответствуют латинской *familia* и явно лежат в основе всего горского общества). С другой стороны, исследовательница упоминает их лишь один раз. Что же касается племенного устройства, которое чувствует себя хорошо в современном понятийном аппарате, будучи одним из немногих «старых» понятий¹⁰, и несет на себе серьезную этническую нагрузку, то о нем историк даже не вспоминает. Зато все понятия и явления политической жизни Черкесии облакаются в пышные феодальные одежды.

В стороне оказались все споры, которые шли в историографии касательно феодализма у горских народов, а также у народов не только Восточной, но и Западной Европы вообще¹¹. «Феодальный портрет» Черкесии, представление о ней как о феодальной монархии не убеждает современного читателя, тем более идея о том, что черкесский феодализм близок к европейскому типу феодализма (таковой тип, кстати, мало кто ныне признает).

Идеи о феодализме до сих пор имеют популярность среди историков Кавказа. Один из авторов этих строк помнит, как, будучи аспирантом исторического факультета ЛГУ, вместе с недавно ушедшим из жизни Ф.Х. Гутновым на семинарах у В.В. Мавродина и в личных беседах камня от камня не оставляли от этого самого феодализма. Каково же было удивление, когда через много лет увидел главное сочинение Феликса Хазмурзаевича «Горский феодализм» в трех книгах. Впрочем, вслед за некоторыми другими исследователями он предпочитает говорить о двух феодализмах: высокогорном и предгорно-плоскостном¹².

Ф. А. Озова, как и ее научный консультант (ныне уже покойный) Валерий Хаширович Кажаров, является сторонником развитого феодализма на Кавказе. Более того, в некоторых работах она готова увидеть (в частности, у адыгов) уже и протокапиталистические отношения. На наш взгляд, это не что иное, как модернизация истории, подтягивание ее к западноевропейскому «образцу». Доказать, что «феодальные отношения в черкесском обществе развивались в архаических и раннефеодальных формах» (курсив наш. — Авт.) при господстве феодального содержания, никак невозможно! Все эти институты, хорошо известные источникам: *хасэ* (суд, народное собрание); *тхъмадэ* (старейшина) и другие — ведут не в мифический феодализм, а в первобытную эпоху, традиции которой живы по сей день не только на Кавказе, но и в Восточной Европе в целом. Напрасно Ф. А. Озова сравнивает Черкесию со странами Западной Европы, утверждая, что в горах «основа феодального режима состояла в почитании вассалом своего сеньора»¹³. Зря она пытается увидеть тут какие-то рыцарские традиции, характерные для единичных стран сугубо Западной Европы. Ведь сама же исследовательница справедливо считает представ-

¹⁰ Дворниченко А. Ю. Племенные структуры и славянские политогенезы (Реплика) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2015. № 2 (18). С. 152–160.

¹¹ См., например: Гуревич А. Я. Феодализм перед лицом историков // *Одиссей*. Человек в истории. 2006. М., 2006. С. 11–49.

¹² Гутнов Ф. Х. Горский феодализм. Ч. III: Северный Кавказ в XIII–XV вв. Владикавказ, 2014. С. 435–436.

¹³ Озова Ф. А. Институт аманатства... С. 121.

ление о господстве в дореформенной Черкесии феодальных отношений достоянием отечественной историографии 1950–1960-х гг.¹⁴

Какое-то время в нашей исторической науке бытовало представление о «кочевом феодализме». В последние десятилетия (еще со времен хрущевской «оттепели») в данном понятии и явлении, под ним скрывающемся, стали обоснованно сомневаться. Большую роль в этом сыграли специалисты в области исторической антропологии, которые показали, что за «кочевым феодализмом» скрываются совсем другие институты: вождество, номадное государство и т. д. Мы уверены, что дни «горского феодализма» также идут к закату, тем более что есть историки, сомневающиеся в его господстве; а это, в свою очередь, не позволяет модернизировать и политический строй горцев. Вряд ли можно видеть в древней Черкесии сословно-представительную монархию или «федеративную княжескую республику с представительным образом правления»¹⁵. Оказывается, имея типологическое сходство с сословно-представительными собраниями (или феодальными парламентами) Англии, Франции, Венгрии, Чехии, Испании, славные *хасэ* ближе всего... к Польше XVI–XVIII вв. Тут в ход идет даже польская мода на черкески, которая якобы свидетельствует о сходстве не только ментальных конструкций, но и социально-политического строя. Влияние горского стиля одежды не убеждает: о каких политических процессах в жизни общества может, например, свидетельствовать индейский стиль, столь распространенный в США? Одежда горцев — очень красивая и практичная, почему бы ее не носить?

Ф. А. Озова не только находит в Кабарде «третье» сословие, но и считает, что из него было образовано сословно-представительное собрание нового типа, двухпалатное *Хасэшхуэ* было преобразовано в трехпалатное. Все это демократическая трансформация социально-политической системы, направленная на слом феодальной системы. По иронии судьбы произошло это примерно тогда, когда Россия пробавлялась своей архаической Уложенной комиссией (1767 г.). Да, мы давно уже знали, что горы весьма способствуют древней непосредственной демократии (вече, народное собрание и т. д.), но, оказывается, очень благоприятны они и для развития представительной демократии.

Неубедительно выглядит даже то, что на сходство сеймов и *хасэ* указал такой авторитет, как полковник и князь Исмаил Атажукин. Вообще, вся эта европейская терминология, пусть временами и взятая в кавычки, никак читателя не убеждает. Фактически каждое подобное утверждение автора может быть легко оспорено с методологической, фактической и источниковедческой точек зрения. К сожалению, размеры сочинения, относящегося к жанру рецензии, не позволяют нам это сделать. Когда, читаешь страницы сочинения, посвященные старой Черкесии, то в сознании всплывает образ, близкий современной благословенной Финляндии.

А что же Россия? Она до такого образа явно недотягивает. Нельзя сказать, что исследовательница не постаралась разобраться в современных подходах к истории России. Впрочем, сделать это в рамках данной работы было бы, наверное, очень проблематично. Автор полагает, что имеющиеся на сегодняшний день концепции — это «феодальная», «демократическая» и «политарная»¹⁶. Ну, с «феодальной»

¹⁴ Там же. С. 127.

¹⁵ Там же. С. 128.

¹⁶ Там же. С. 129.

понятно, так же как и с «политарной». А. Ю. Дворниченко Ф. А. Озова определяет как последователя И. Я. Фроянова и адепта концепции демократического политогенеза. Можно, конечно, и так сказать, но суть подхода не только в этом. В своих работах одному из авторов этих строк хотелось вслед за дореволюционными российскими историографами показать, что в России государственность окончательно формируется очень поздно — не ранее XVI в. — и быстро приобретает характер всеобъемлющего государственно-крепостнического строя, который доживает вплоть до наших дней. Горские же политии на протяжении весьма длительного времени ближе всего к городам-государствам Киевской Руси¹⁷. Кстати, гражданскую общину полисного типа находил в горах и М. А. Агларов¹⁸. Время от времени Ф. А. Озова признает, что «государственная бюрократическая машина» так и осталась у горцев в «зачаточном состоянии», а государственность всегда существовала в форме малых политий, объединенных между собой политическими союзами¹⁹.

Собственно, сущностная характеристика России, ее устройства, автору не так и важна. Для разрабатываемой концепции важнее другое — показать, что ранние российско-черкесские отношения носили характер посольских связей, что это были взаимоотношения двух равноправных государств. В данном случае не так уж и важно, что Россия оказывается более отсталой (мы не склонны преувеличивать степень развития России ни в какой период истории). Сама по себе такая концепция особого возражения не вызывает, хотя в другом месте автор замечает, что Кабарда всегда была слабым субъектом международного права. Известно, что на уровне посольств царское правительство строило отношения даже с казачьими «республиками»²⁰.

Вопрос встает о восприятии института аманатства обеими сторонами: и Россией, и Черкесией. Можно допустить, что черкесы подходили к этому явлению, несколько идеализируя его в пасторальном духе, но для российской власти, как это отмечает вслед за другими исследователями и автор монографии, это была холопская зависимость. Таковой она оставалась и в последующие века. В связи с этим стоит отметить, что некоторые метаморфозы аманатства, которые постулируются автором, представляются нам несколько надуманными.

Подобное замечание важно для нас не само по себе, а в связи с дальнейшим развитием концепции. Уязвимым ее звеном как раз представляется то деление, которое воспроизведено в специальной таблице в конце книги. Действительно, возникает несколько странное впечатление: колонизатор Потемкин, при котором начались первые в нашей истории депортации народов, оказывается прогрессивно-имперским, а Ермолов, талантливый военачальник (впрочем, тоже колонизатор), который просто честно исполнял свой долг, превращается в проводника регрессивно-имперских тенденций. Позволительно задать и такой вопрос: если Казанское

¹⁷ Коротчаев А. В. Горы и демократия: к постановке проблемы // Альтернативные пути к ранней государственности. Владивосток, 1995. С. 86; Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси: старые истины, «новые подходы» и некоторые перспективы изучения // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2018. Вып. № 2 (10). С. 6–23.

¹⁸ Агларов М. А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII — начале XIX в. (Исследование взаимоотношений форм хозяйства, социальных структур и этноса). М., 1988.

¹⁹ Озова Ф. А. Институт аманатства... С. 105, 135.

²⁰ Дворниченко А. Ю. К истории ранних казачьих сообществ // Вестник СПбГУ. Серия 2. История, языковедение, литературоведение. 1995. Вып. 2. С. 18–25.

ханство было присоединено к России военным путем в XVI в., а черкесы тем же путем — в XIX столетии, то в чем сущностное различие в отношениях между этими акторами: российской властью и вошедшими в состав России народами? «Внутренняя дипломатия» здесь не спасает положение, поскольку оказывается по отношению к Кабарде «несравнимо проще»²¹ (мы бы сказали: «менее формализована»), чем к другим державам. Может, настолько «проще», что и дипломатией-то нельзя считать, даже «внутренней»? По крайней мере, то, что Петр Первый вынашивал (вместе с Асланбеком Кайтуко) идею наследственной монархической власти в Черкесии, мы ставим под сомнение. А вот то, что российская власть вносила в кабардинское общество элемент раскола, выглядит более убедительным. Впрочем, как и тот факт, что кабардинские князья, несмотря ни на что, лавировали, но сохраняли российский протекторат²².

Не совсем понятно, почему только при Елизавете Петровне институт аманатства окончательно превратился в инструмент российской имперской политики? Ведь российские чиновники и прежде не учитывали нормы черкесского посольского обычая в отношении аманатов и руководствовались исключительно своими интересами²³. Уже астраханский губернатор А. П. Волынский грубо и бесцеремонно «воссоздал» институт аманатства²⁴. И дело все-таки тут не в наметившемся цивилизационном разрыве между Россией и Кабардой, поскольку, по мнению Ф. А. Озовой, на Россию стала влиять европоцентристская имперская доктрина²⁵. Доктрины менялись, а политика со времен Грозного царя оставалась прежней...

Исследовательница не устает модернизировать кавказскую историю. Иногда это приобретает курьезный характер: можно ли, например, приравнять кавказскую кровную месть к дуэлям в западноевропейских обществах²⁶? Можно ли говорить о том, что кабардинское общество пережило в XVIII в. «глубокую демократическую трансформацию» и потому сильно потянулось к исламскому фундаментализму²⁷? В интересном свете предстает знаменитый шейх Мансур. Оказывается, именно на кабардинской почве его идеи были развиты и дополнены «европейскими демократическими идеями, перекликавшимися с трансцендентными ценностями ислама»²⁸. Это, прежде всего, идеи равенства между владельцами и узденями. Но это еще не все... Наблюдалась парадоксальность ситуации: в отличие от Франции и остальной части Черкесии, где эти идеи были воплощены в жизнь третьим сословием, в Кабарде во главе глубокой социальной трансформации общества находилось феодальное сословие *пицы-уорков*! Они, правда, перевоспитались под влиянием эгалитарных лозунгов Французской революции²⁹.

²¹ Агеева О. Г. Дипломатический церемониал императорской России... С. 439.

²² Озова Ф. А. Институт аманатства... С. 306.

²³ Там же. С. 324, 340.

²⁴ Вряд ли стоит придавать большое значение таким новациям: наряду с *пицы* в аманаты стали брать и уорков (Озова Ф. А. Институт аманатства... С. 377).

²⁵ Там же. С. 376.

²⁶ Там же. С. 389.

²⁷ Там же. С. 401.

²⁸ См. также: Кажаров В. Х. О времени и обстоятельствах учреждения «духовных судов» в Кабарде // Исторический вестник. Вып. III. Нальчик, 2006. С. 407.

²⁹ Озова Ф. А. Институт аманатства... С. 402.

Вызывает некоторое сомнение и конечный вывод: ликвидация аманатства символизирует окончательный разрыв с предшествующей традицией кабардино-русских отношений, демонстрируя намерение подчинить управление Кабардой общероссийским учреждениям и законам³⁰. Стоит ли придавать такое значение самому аманатству и его отмене? В конце концов, для России это было всего лишь орудием покорения горцев³¹; тем более что несколькими десятками страниц выше историк пишет в своей монографии о том, что «недоверие — кардинальная черта российской политики в отношении народов Кавказа»³².

Подведем некоторый итог. Все лучшее и бесспорное, что есть в труде Ф. А. Озовой — это результат ее ума, трудоспособности и большого интереса как к исторической науке в целом, так и к выбранной для исследования темы. Все спорное и методологически слабое — результат своеобразного состояния отечественной исторической науки. На фоне очередного возрождения сильной российской власти после очередной смуты наука в очередной раз как бы замерла, подобно Эдипу, перед загадочным Сфинксом — историей России. А тут еще и кризис теории. Одна теоретическая основа — марксизм — уже решительно сброшена с корабля нашей науки и общественной мысли, другая — цивилизационный подход — и за более короткое время, чем марксизм, успел показать свою неспособность хоть что-либо объяснить в российской истории. Предпринимаются попытки понять русскую историю, исходя из нее самой, не забывая о сравнении с другими странами. Но у нашей исследовательницы ведь более локальные и конкретные задачи.

Как бы там ни было, работе придает ценность уже то, что в ней представлена масштабная концепция, с которой можно поспорить, которая, как принято говорить, будит мысль. Можно с уверенностью сказать, что работа состоялась и она очень хорошая. В ней представлена не имеющая аналогов в отечественной и зарубежной историографии картина развития института аманатства на протяжении всего времени его существования. Практически все задачи, которые автор ставил, приступая к работе над темой, решены. Особенно успешно решена задача выявления имен черкесских аманатов в 1552–1829 гг. и оценки их влияния в двусторонних отношениях Черкесии и России. Дальнейшие исследования еще больше прояснят место аманатства в такой непростой, но по-своему славной совместной истории России и Кавказа.

References

- Ageeva O. G. *Diplomaticheskii tseremonial imperatorskoi Rossii. XVIII vek*. Moscow, Novyi Khronograf Publ., 2012, 936 p. (In Russian)
- Aglarov M. A. *Sel'skaia obshchina v Nagornom Dagestane v XVII — nachale XIX v. (Issledovanie vzaimootnoshenii form khoziaistva, sotsial'nykh struktur i etnosa)*. Moscow, Nauka Publ., 1988, 236 p. (In Russian)

³⁰ Озова Ф. А. Институт аманатства... С. 498.

³¹ Такое орудие, наряду с другими, использовалось и в процессе присоединения Сибири, и на Аляске, и в борьбе с мятежными башкирами. См.: Гринев А. В. Туземцы-аманаты в Русской Америке // Клио. Журнал для ученых. 2003. С. 128–142; Самрина Е. В. Аманатство как социально-политический институт присоединения и покорения новых территорий к российскому государству в XVII–XIX веках (на примере Хакасско-Минусинского края) // Вестник Дагестанского научного центра. 2013. № 49. С. 63–69; и др.

³² Озова Ф. А. Институт аманатства... С. 408.

- Bgazhnokov B. Kh. O spetsifike i dinamike voenno-politicheskogo soiuza Rossii i Kabardy (simmakhiia i ee asimmetrizm). *Istoricheskii vestnik Instituta gumanitarnykh issledovaniĭ KBNTs RAN*, 2005, issue 2, pp. 39–86. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. K istorii rannikh kazach'ikh soobshchestv. *Vestnik Sankt Peterburgskogo Universiteta. Seriia 2. Istoriiia. Iazykoznanie, literaturovedenie*, 1995, issue 2, pp. 18–25. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. Aleksandr Vil'iamovich Gadlo (1937–2002) — issledovatel' drevnostei Kryma i Kavkaza. *Gadlo A. V. Predystoriia Priazovskoi Rusi. Ocherki istorii russkogo kniazheniia na Severnom Kavkaze*. St Petersburg, St Petersburg University Publ., 2004, pp. 3–20. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. Tribal structures and Slavic politogenesis (Some remarks). *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2015, no. 2 (18), pp. 152–160. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. Goroda-gosudarstva Drevnei Rusi: starye istiny, «novye podkhody» i nekotorye perspektivy izucheniia. *Paleorosiia. Drevniaia Rus': vo vremeni, v lichnostiakh, v ideiakh: nauchnyi zhurnal*, 2018, issue 2 (10), pp. 6–23. (In Russian)
- Grinev A. V. Tuzemtsy-amanaty v Russkoi Amerike. *Klio. Zhurnal dlia uchenykh*, 2003, pp. 128–142. (In Russian)
- Gurevich A. Ia. Feodalizm pered litsom istorikov. *Odissei. Chelovek v istorii*. Moscow, Nauka Publ., 2006, pp. 11–49. (In Russian)
- Gutnov F. Kh. *Gorskii feodalizm. Ch. III. Severnyi Kavkaz v XIII–XV vv.* Vladikavkaz, IPTs SOIGSI VNTs RAN i RSO-A Press, 2014, 494 p. (In Russian)
- Kazharov V. Kh. O vremeni i obstoiatel'stvakh uchrezhdeniia «dukhovnykh sudov» v Kabarde. *Istoricheskii vestnik*, issue 3. Naĭchik, El'-Fa Publ., 2006, pp. 398–436. (In Russian)
- Korotaev A. V. Gory i demokratiia: k postanovke problem. *Al'ternativnye puti k rannei gosudarstvennosti*. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 1995, pp. 77–93. (In Russian)
- Ozova F. A. *Institut amanatstva v cherkessko-rossiiskikh otnosheniakh: 1552–1829 gg.* St Petersburg, Nestor-Istoriiia Publ., 2020, 632 p. (In Russian)
- Pushkarev L. N. *Klassifikatsiia russkikh pis'mennykh istochnikov po otechestvennoi istorii*. Moscow, Nauka Publ., 1975, 281 p. (In Russian)
- Samrina E. V. Amanatstvo kak sotsial'no-politicheskii institut prisoedineniia i pokoreniia novykh territorii k rossiiskomu gosudarstvu v XVII–XIX vekakh (na primere Khakassko-Minusinskogo kraia). *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra*, 2013, no. 49, pp. 63–69. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 4 декабря 2021 г.

Рекомендована к печати 14 марта 2022 г.

Received: December 4, 2021

Accepted: March 14, 2022